

МИНСКОЕ ГЕТТО

С первых дней захвата города Минска (27.06.41 года) было отведено место для гетто. Все евреи, согласно распоряжению немецкой комендатуры, должны были переселиться туда. 7 ноября 1941 года прошла первая волна расстрелов, а 2 марта 1942 года — вторая. Погибло свыше 5 тысяч человек. Все были зарыты в общей могиле на Юбилейной площади города Минска. В мае немцы решили расправиться с оставшимися в живых, но в Тростянце, подальше от Минска.

Верницкий Арон

Проходят годы, но память моя сохранила суровые испытания, что уготовила мне жизнь в детские годы.

В 1941 г мне, еврейскому мальчику, было всего 5 лет, и было всё у меня — мама, папа, сестра, родственники.

Родился я 21 июня 1936 г в еврейской семье, в Минске, Белоруссия. Отец — Давыд Аронович Верницкий, 1905 г.р., по специальности инженер; мама — Сара Абрамовна Верницкая (в дев. Банковская), 1907 г.р., по специальности учительница; старшая сестра — Маша Верницкая.

21 июня 1941 г отмечали мой день рождения, мой последний праздник и последний день моего счастливого и беззаботного детства. На рассвете 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, которая сразу пришла в наш дом. В первые же дни войны немецкие фашисты бомбили Минск. Весь город был в огне и дыму, горели дома, сгорел и дом, где мы жили. Мы переселились к родственникам. Моего папу забрали на фронт, и вскоре пришла весть о его гибели. Я же вместе с мамой и старшей сестрой оказались в оккупации.

27 июня 1941г. немцы вошли в Минск, и сразу был введён новый порядок, новый уклад жизни. А чуть позже образовано Минское гетто. С каждым днём жизнь становилась тревожнее, опаснее и голоднее. Оказавшись в гетто под властью фашистов, мама и сестра работали как подсобные рабочие у немцев, в частности, в немецкой солдатской столовой. Но была в этом и доля удачи. В этой

столовой работал один немецкий повар, который помогал нам выжить, помогая продуктами питания. К сожалению, я не помню имени и подробностей об этом человеке, но благодаря ему участь первых погромов для нас была отсрочена.

Однако вскоре после Нового, 1942 года, немецкого повара отправили на другое место службы. И когда 2 марта 1942 г произошёл второй массовый расстрел евреев, то на этот раз мы не смогли избежать печальной участи. Во время облавы мама услышала шаги, топот немецких сапог во дворе дома, где мы проживали. Мама и сестра понимали, что это уже и за нами пришли. В мою куртку мама зашила медальон с моими данными. Вместе с другими людьми еврейской национальности нас согнали в колонну и повели. Куда нас гнали, никто не знал, но никто не питал иллюзий. Я спрашивал у мамы: «Куда нас ведут?» А она, украдкой вытирая слёзы, прижимала меня к себе и говорила, что все будет хорошо, чтобы я не боялся и помнил о медальоне. Когда мы все оказались у кромки рва, выстрелы не заставили себя ждать. При первых же выстрелах мама толкнула меня вниз, в ров. Я упал и потерял сознание, ударившись, по всей видимости, головой. Сколько времени я пролежал под трупами, я не знаю.

Но когда пришёл в сознание, это был поздний вечер, я, видимо, начал плакать, и мои всхлипы услышала пожилая женщина. Она искала то ли своих родственников, то ли знакомых. Она и вытащила меня из-под трупов, привела в какое-то село, но в дом меня не пустила, так как узнала, что я еврейский мальчик. Она спрятала меня в сарае. Через некоторое время она дала мне хлеба, картошки и сказала, чтобы я уходил в лес, так как здесь немцы и полицаи, и из-за меня её могут расстрелять. Так началась моя бродячая жизнь.

Шестилетним ребенком я скитался, укрываясь в лесу, прячась в сараях, скирдах сена, курятниках, воровал картошку, кур, находясь в постоянном страхе, избегая как немцев, полицаяев, так и простых селян. Не раз селяне, к которым я залазил в огороды, сараи, ловили, били и прогоняли меня. Одним словом, многое пришлось испытать и пережить.

Мне повезло, спустя некоторое время после начала моих скитаний я встретил в лесу такого же сироту, русского мальчика Мишу, которому было лет 12-13. Мы стали скитаться вместе, держась друг друга, и Миша стал для меня старшим братом. Что только нам ни приходилось есть: собирали колоски, картофель, свеклу, ловили птиц, ели мясо убитых коров и лошадей. Наступали холода, и выживать становилось все тяжелее. Обессиленные, голодные, завшивленные, мы наверняка бы погибли, не пережили зиму, если бы одной холодной декабрьской ночью 1943 года нас не обнаружили. Это были солдаты роты связи 75-й Гвардейской стрелковой дивизии, которые брали сено для лошадей и в одном стогу нашли нас. Привели в часть и в первую очередь отмывали в больших солдатских котлах. Всю одежду сожгли, постригли наголо, потому что были настолько завшивлены, что волосы были покрыты, как воском, накормили, переодели. Началась новая жизнь.

Мне и Мише «светила» отправка в тыл, в детский дом. Но для меня это могло означать смерть, так как был я очень слаб и не смог бы постоять за себя, бороться за кусок хлеба при тогдашних, далеко не дружеских нравах, царивших в детских домах, когда выживали сильнейшие. Да и помывка в бане вместе с другими мальчишками

ничего хорошего не сулила бы мне, еврейскому мальчику. На мое счастье, мы с Мишей остались при части, в роте связи. И с января 1944 года мы с Мишей стали воспитанниками дивизии.

Оба получили обмундирование, перешитое из солдатской одежды, окружили нас заботой и любовью, относились к нам, как своим сыновьям, ведь у многих остались семьи, дети за линией фронта, в тылу. Мы же, в свою очередь, старались, чем могли, тем и помогали. Были посыльными, носили еду и чай в окопы, помогали восстанавливать связь, крутили бинты в медсанбате, чистили снаряды, работали на кухне, все в меру своих возможностей.

Мне повезло, что в дивизии, в командном составе служило много офицеров еврейской национальности, которые понимали, что могло бы ждать меня «на воле». Так особую заботу и внимание оказали начальник политотдела дивизии Борис Пакин, инструктор политотдела Борис Мильнер и многие другие.

В перерывах между боями меня учили читать и писать, ведь я был неграмотный. Учебников, тетрадей не было. Учили по газетам, на газетах и писал.

Война катилась на запад. Белоруссия, Прибалтика, Польша. В одном из боев на польской земле в январе 1945 года погиб Миша. Немецкий снаряд угодил в блиндаж, в котором находились бойцы, и среди них был Миша. Я находился снаружи блиндажа, что и спасло меня. Я отделался контузией, на время потеряв слух и зрение.

А потом была Германия, уличные жестокие бои в апреле. Долгожданная Победа, Знамя Победы над рейхстагом и моя надпись, сделанная корявым детским почерком на стене здания рейхстага: «Мама, мы отомстили!». 24 июня 1945 года мне довелось издали наблюдать Парад Победы на Красной площади со своими однополчанами. 20 июля 1945 года приказом по дивизии меня зачислили воспитанником музыкального взвода дивизии, и одновременно я учился в дневной школе.

В 1949 году меня направили учиться в Воронежское военное музыкальное училище, которое окончил в 1953 году. В 1956 по состоянию здоровья меня демобилизовали из армии, и я был направлен на постоянное жительство в Крым.

Свою трудовую деятельность в Крыму начал отрядным вожатым пионерского лагеря «Артек». Позже был направлен в Ленинский район Крыма, где работал старшим вожатым районной школы, с 1958 года — директором районного Дома пионеров и школьников.

Шли годы, налаживалась мирная жизнь. Продолжая работать, я учился, повышал квалификацию в сфере организации работы с детьми, организации отдыха и досуга, в том числе, по оздоровлению детей и взрослых. С 1962 года был назначен начальником районного пионерского лагеря, с 1977 года — директором семейного пансионата, где работал до 1997 года, до репатриации в Израиль.

Имею удостоверение участника боевых действий, награды, медали, в том числе — орден Отечественной войны 2-й степени, удостоверение и медаль борца с нацизмом и статус ветерана 2-й мировой войны, удостоверение малолетнего узника гетто. Приказом по дивизии и Советом ветеранов В.О.В. занесен в летопись дивизии как сын дивизии. Прошел боевой путь с 75-й Гвардейской Бахмачской дважды Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии от Минска до Берлина.